

Дерево первой любви

*Деревья! К вам иду!
Спасись от рёва рыночного!
М. Цветаева*

Мне запомнился один эпизод из фильма С. Соловьёва "Спасатель". Девочка была на школьной практике в деревне. Как-то их всех застала в поле гроза. Они добежали до ближайшего леса и спрятались под деревьями. Девочка стояла под деревом, под которым оказался и её школьный учитель. Он читал ей стихи под раскаты грома. Даже не ей, так, вообще. Она стояла по другую сторону дерева и слышала только его голос. Это было так прекрасно: гроза, алые всполохи в небе, шумящее дерево, укrywшее их от дождя, и стихи. А потом её мучили сны. Она всё время видела во сне это дерево, дождь, голос.

Девочка вышла замуж. Но сны не прекращались. И то прекрасное, трепетное, что было в них, оказалось так несовместимо с её семейной жизнью, что она решила расстаться с мужем. Он стал допытываться, в чём причина. Она рассказала: гроза, шумящее дерево, голос, читавший стихи.

– И это всё?! – облегчённо вздохнул муж.

– Но это очень много... – обречённо ответила она.

Да, это очень много. В конце концов это перевесило её жизнь.

У меня тоже было своё дерево. И даже не одно. Только это было совсем по-другому. Но так же неосознанно, неназванно, вслепую, наощупь... Мне тогда было десять лет. (Как Лермонтову, когда он впервые влюбился.) Соседи взяли меня с собой на дачу. Дача была в лесу, на 11-ой Дачной. Поначалу я чувствовала себя там тоскливо, заброшенно. Я впервые была так далеко от дома, скучала по своему двору, плакала по ночам и даже написала маме слёзное письмо в духе Ваньки Жукова: "забери меня отсюда". Но пока письмо шло, я познакомилась с детьми из соседних дач и повеселела. Соседкой слева была девочка Таня, моя ровесница, а соседом справа – мальчик Саша, чуть постарше. Он был, как мне сейчас помнится, толстый и в очках. Но мне сразу запали в душу его тихий проникновенный голос, мягкие вкрадчивые манеры, словом, интеллигентность. Тогда я не знала ещё этого слова, только почувствовала в нём какой-то иной микромир, другую породу. Ни в классе, ни во дворе у нас таких серьёзных, умных мальчиков не было.

Со мной стало твориться что-то непонятное. Мне вдруг всё здесь стало нравиться: дача, лес, люди, земля, небо. Целый день я носилась, как угорелая, придумывая всякие игры, забавы, состязания. Мне хотелось быстрее всех бегать, сильнее всех раскачиваться на качелях, обыгрывать всех в настольный теннис, находить в лесу самые сногшибательные грибы и самые диковинные цветы. Мне хотелось совершить что-нибудь такое, чтобы он отличил меня из всех, восхитился, возрадовался мне, сделать что-нибудь во Имя его, вернее, во имя того, что так бурлило и клокотало внутри, требуя выхода. Моя подружка тоже хотела понравиться мальчику. Она кокетничала с ним, надевала нарядные

платица, завязывала бантики, чтобы обратить на себя внимание, словом, вела себя, как нормальная будущая женщина. Я же, как всегда, пошла своим путём.

Моё сердце жаждало подвига, жертвы, чего-то, брошенного к его ногам. Неподалёку от нашей дачи стояло дерево – очень высокое, раскидистое, сукастое. Я стала потихоньку рано поутру, когда все ещё спали, тренироваться залазить на него, с каждым днём всё выше и выше. Постепенно я изучила все его выступы, все ветки, куда можно поставить ногу, разучила это дерево, как стихотворение. И вот однажды, когда мой избранник о чём-то мило беседовал с моей соперницей, я издала воинственный клич и с криком: "Смотрите же!" – молниеносно взлетела на это дерево, по-обезьяньи вскарабкавшись на самую его вершину в мгновение ока. Я взяла штурмом эту высоту, как, вероятно, подсознательно надеялась взять штурмом и душу Саши. Где-то далеко внизу маячили их маленькие фигурки. Я видела изумлённо-восхищённые глаза моего рыцаря (вернее, рыцарем в данном случае была я, а он как бы исполнял роль дамы сердца), видела разинутый рот остолбеневшей Таньки, бежавших со всех сторон ко мне людей. И упивалась своим торжеством, своим звёздным часом.

Насладившись всеобщим смятением и охами соседей, я спустилась на землю, так же быстро и ловко.

– Ну как? – спросила я Сашу.

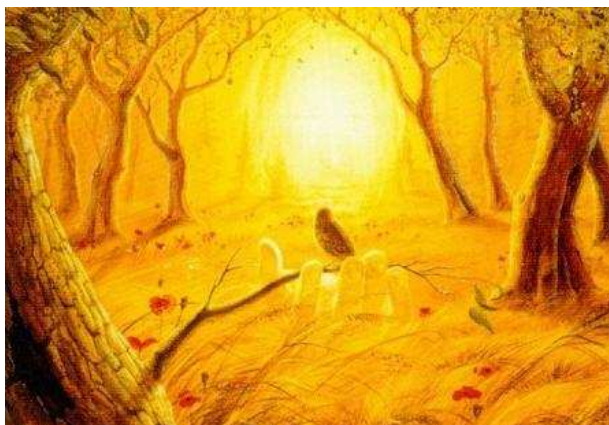
– А ты здорово умеешь лазать по деревьям, – с уважением сказал он. Вот, собственно, всё, чего я добилась. Но этот комплимент прозвучал для меня, как райская музыка, как гром небесный. Он мне тяжело достался, он был честно заслужен, этот комплимент, и потому дорогого стоил.

Танька поманила меня пальцем что-то сказать по секрету. Я подошла и снисходительно наклонила ухо к её губам, ожидая услышать нечто подобное, но она конфузливо зашептала: "Ты соображаешь, что делаешь? У тебя же снизу все трусы видно!" Я озадаченно уставилась на неё. Такой ракурс восприятия моего подвига мне не приходил в голову. Но этот досадный штрих не смог омрачить моей триумфальной радости. Всё так славно удавалось в те дни, мне было так весело, так интересно, так увлекательно жить. В лесу мы встретили заблудившуюся собачку. Я назвала её Малыш, и он всюду бегал за мной. Это

была первая собака в моей жизни.

Я не помню, стали ли наши отношения с Сашей качественно иными после того поступка, кажется, нет, он по-прежнему больше времени проводил с Таней, но вот странно, меня это нисколько тогда не удручало. Я никак это всё не осознавала, не определяла для себя словесно, я жила бездумно, беспечно, свободная, счастливая, согреваемая тем огнём, что пылал у меня внутри. А самыми счастливыми мгновениями были – я их помню отчётливо – это были ранние утренние часы, часов в пять-шесть, когда я просыпалась с чувством беспричинной, восторженной, душившей меня радости. Много лет спустя я прочитала у какого-то поэта строки: "просыпаться на рассвете оттого, что радость душит..."И сразу вспомнила те предрассветные пробуждения.

А потом приехал брат и сказал, что мама получила моё письмо и прислала его за мной. Я не нашлась, что возразить – да, писала, да, просила забрать. Нас ждала машина. А дома...Что на меня нашло! Я плакала несколько дней подряд, без перерыва на сон и еду. Домашние даже испугались за меня. Я, чтобы объяснить свои слёзы – а я сама не понимала толком, почему плачу, – сказала, что там осталась моя собака Малыш. Левка съездил и привез Малыша. Но я продолжала плакать и при Малыше. Я ничего не понимала в самой себе. А потом мне долго снились сны с тем неопишуемым ощущением необъяснимого, невероятного счастья. Снилось то дерево. А сам Саша почему-то не снился.

